Ты мне не нравишься

Автор:
Татьяна Новикова

Ты мне не нравишься

Татьяна Новикова

Он не понравился мне с первого взгляда. Неспокойный, несдержанный. Грубый. Моя полная противоположность. Иногда мне кажется, что в доме слишком мало места, потому что всюду я натыкаюсь на него. Я стала одержима им. Зависима от него. Моё безумие. Мой сводный брат.

Татьяна Новикова

Ты мне не нравишься

Глава 1

Вообще-то мне не нравятся ухажеры моей мамы. Не вызывают доверия, знаете ли. Когда за двадцать лет жизни у тебя было два официальных «папы» и несколько неофициальных, начинает лихорадить, стоит маме произнести: «Кажется, я влюбилась».

Опять?!

О, нет!

Но иногда от потенциальных отцов есть толк.

Например, когда на улице жарит солнце, а у нового возлюбленного мамы есть дом с личным бассейном.

Красота!

Я лежу в шезлонге, соломенная шляпа закрывает лицо. Тишина бесконечная, словно на долгие километры нет никого и ничего. Элитный коттеджный поселок вымер, на выходные все разъехались кто куда. Клонит в сон, глаза предательски закрываются.

– Кхм, – произносит кто-то над моим ухом, прерывая дрёму.

Вашу ж мать!

Я же тут совсем одна! Какое еще «кхм»!

Меня сдувает с шезлонга, пальцы машинально нащупывают полотенце, и я оборачиваюсь им, судорожно отыскивая взглядом бюстгальтер, который стянула для равномерного загара.

Судя по наглой ухмылке стоящего напротив парня, он загар оценил.

Высоченный, широкоплечий. Скрестил руки на мощной груди. Смотрит насмешливо. Его темные волосы взъерошены, футболка неряшливо заправлена в джинсы. Она обтягивает его так плотно, что мог бы и без неё ходить. Все кубики пресса навыкате.

Надо признать, выглядит соблазнительно.

Откуда он тут взялся?!

– Ты кто? – произношу одними губами, плотнее запахнувшись в полотенце.

– Встречный вопрос, – язвительно отвечает незнакомец. – Кто ты такая и что делаешь в моем доме?

– В твоем что?..

Что-то не складывается. От слова «совсем».

Я познакомилась с «дядей Денисом» на той неделе. Он пригласил нас с мамой на ужин, объявил о серьезности своих намерений и разрешил мне провести выходные в его коттедже, пока они с мамой нежатся на море.

Разве не сказка?

Бассейн, кондиционер и телевизор во всю стену…

А ещё какой-то непонятный парень, который плотоядно изучает меня. Клянусь, раздел бы взглядом да снимать нечего. Кроме полотенца, конечно же.

– Ты – новая горничная моего отца? – спрашивает понимающе. – Решила в его отсутствие совместить приятное с полезным? Я думал, ему тощенькие не нравятся, но, видимо, пересмотрел свои вкусы.

– Я – не горничная, – чувствую, как вспыхивает кожа. – Я… – вот как объяснить причинно-следственную связь? – Я… дочь невесты твоего отца.

– Невесты? – переспрашивает парень с сомнением. – Значит, у моего отца есть невеста, а у нее – дочь. Лю-бо-пыт-но, – по слогам, тягуче, издевательски. – Обычно он находит невест без дочерей. Знаешь, что мне кажется, дочь невесты?.. Что ты нагло врешь. И вот почему.

Делает шаг ко мне, наплевав на личные границы. Я пячусь, но особо деваться некуда, разве что нырнуть в бассейн. Стою на самом краю, а внезапный гость подходит ещё ближе. Нас разделяет жалкий сантиметр.

– Да ты не скромничай, – хмыкает парень. – Должен же я оценить свою… хм… как тебя правильнее назвать? Будущую сводную сестру?

Он тянет на себя край полотенца.

– Эй! – возмущенно вскрикиваю, покачнувшись.

Машинально хватаюсь за первое, что попадается под руку – за футболку парня. Та опасно трещит, но не рвется.

А затем мы вдвоем падаем в воду.

Упс.

Отталкиваюсь пятками от дна бассейна и выныриваю, отплевываю воду. Полотенце, покачиваясь, погружается вглубь кристально чистых вод. Теперь точно предстоит вылезать под оценивающим взглядом незнакомца.

Он… хохочет. Трясет намокшими волосами и смеется так заразительно. Меня не тянет даже улыбнуться. Всё напоминает дурацкий сон. Знаете, тот кошмар, в котором ты приходишь на сдачу экзамена в одних колготках, натянутых до груди, но понимаешь это слишком поздно.

Вот и тут так.

Хотя от колготок бы я не отказалась. Мои трусики-танго прикрывают слишком мало, чтобы назвать их полноценной одеждой.

– Ну что, дочь невесты, остудилась? – опять смотрит, въедливо так, без капли стеснения.

Я погружаюсь в воду по подбородок, чтобы хоть чем-то прикрыться.

– Отвернись, – требую. – Дай мне одеться.

– Да перестань, – парень подплывает к лестнице и загораживает её. – Чего я там не видел. Отличная фигура, между прочим.

– Ничего ты там не видел! – Одной рукой прикрываю грудь, второй продолжая барахтаться на поверхности.

Вообще-то я не лучший пловец, а потонуть в двухметровом бассейне из-за этого мерзавца будет максимально неприятным казусом.

Парень легко поднимается, не воспользовавшись лестницей, а подтянувшись на крепких руках. Его плечи бугрятся, каждый мускул спины выступает, кажется неестественным, нарисованным.

Денис Владимирович, мамин ухажер, ни слова не говорил о своих сыновьях. Интересно, мама-то в курсе, что они существуют, или это сюрприз специально для меня?

А если он – всё-таки не сын, а какой-нибудь работник, у которого есть ключи от дома? А если грабитель, вломившийся сюда без спросу? Убьет меня и прикопает прямо в цветущих розовых кустах, взращенных садовником.

Меня начинает подташнивать от страха.

– Помочь тебе, сестренка? – подает мне руку, но принять её означает оголиться.

– Нет. Просто отвернись.

Не переставая ухмыляться, он поворачивается к панорамным окнам гостиной и смотрит исключительно на них. Ну, хоть за это спасибо. Я наконец-то добираюсь до бюстгальтера и натягиваю его на себя, путаясь в застежках.

Долго не могу совладать с лямками платья, которое липнет к мокрой коже. Раздражаюсь только сильнее.

– Так вот, – продолжает подозрительный незнакомец спокойным тоном, – мне кажется, что нет никакой невесты, есть только ты и мой отец, который всегда был падок на молоденьких девиц. Поэтому я не понимаю, чего ты скромничаешь. Сколько он тебе платит? Или у вас по любви?

Хмыкает издевательски.

– Что?! Да как ты смеешь!

Я вспыхиваю до корней волос, стискиваю кулаки.

– Ну-ну, не бесись, тебе не идет. Кстати, Артем. Приятно познакомиться. Не буду мешать, передай папочке, что его блудный сын вернулся в город. А фигурка действительно неплохая.

С этими словами он уходит, а внутри меня всё клокочет от злости.

Я поворачиваюсь к окнам, чтобы напоследок показать этому «Артёму» неприличный жест.

Смотрюсь в отмытые до блеска стекла и различаю… своё отражение.

Эй! Они же зеркальны!

Он всё видел!

***

Ирка ржет как конь, а Ника качает головой и цокает, когда я рассказываю историю своего стыдливого знакомства с, возможно, будущим родственником.

С мамой я созвонилась сразу же, как за этим поганцем захлопнулись ворота. Она подтвердила: сын у Дениса Владимировича имеется, правда, он учится в столице и в родной город приезжает крайне редко.

Вернулся, блин. Очень своевременно.

Разумеется, я ей не поведала всех деталей нашего «знакомства», ограничилась скупым: «Я спала в шезлонге, когда он пришел». Спала полностью одетая. И в бассейн мы не ныряли.

Но поделиться правдой с кем-то остро требовалось.

Мы с девчонками встретились тем же вечером, в летнем кафе у реки. Солнце скрылось за облаками, подул легкий ветерок, пахнущий нагретыми за день прибрежными камнями.

– Что смешного? – ворчу я, размазывая шарик мороженого по креманке.

Ирка продолжает похрюкивать от смеха и сгибается пополам.

– А чего грустного? Я вижу, как вы вдвоем падаете в бассейн, – она утирает слезы. – Никос, подтверди, ржачно!

– Да ну, как-то гадко, – не соглашается Ника. – Ты представь, Соне теперь ему в глаза как-то смотреть надо. Особенно, если у тети Марины с его отцом всё-таки что-то сложится.

– Именно! – соглашаюсь. – Хоть кто-то меня понимает.

– Зачем смотреть ему в глаза? Ты же говоришь: брутальный качок? Ну, так вот. Учись, как сгладить первое впечатление. Подходишь, стягиваешь с него штаны, и… – Ирка обмакивает палец в моё мороженое и медленно обсасывает его.

Я отставляю креманку подальше. После Иркиного мастер-класса аппетит пропал окончательно.

У нее всегда всё просто. Если кого-то можно оседлать – бери и делай, не отказывай себе ни в чем. Жизненное кредо: мужчины нужны исключительно ради удовольствия.

Но жизнь не повернута на сексе.

Не повернута же?

Мне ближе позиция Ники: лучше поздно, зато найти того самого.

Удивительно, как могут три внешне похожих друг на друга человека быть такими разными. В институте нас прозвали «рыжими бестиями» за цвет волос. Разве что у меня они ближе к медному оттенку и вьются так сильно, что не распрямишь никаким «утюжком». Ирка – огненно-рыжая, с такой большой грудью, что парни невольно зависают, глядя на ту. Никос стрижется коротко, под мальчика, и волосы её медовые.

Неразлучное трио.

Но мироощущение у нас максимально непохожее. Потому, наверное, и притянулись друг к другу.

В том году мы сделали одинаковые татуировки на внутренней стороне предплечья. Тонюсенькая надпись на английском. «Дружба – это один разум в трех телах».

– Не слушай её, – качает головой Ника. – На твоем месте я бы пожаловалась матери за домогательства. Кто знает, что в голове у этого парня. Таких козлов нужно сразу отшивать.

– Но ты не на её месте, – показывает язык Ира. – Зачем так остро реагировать? Неужели парень не может просто пошутить? Нужно пользоваться ситуацией. Видел буфера? Отлично! Самое время посмотреть на достоинства Артёма.

– Что ты несешь, Ирэн! Соня – не какая-нибудь давалка!

– Так никто и не просит её давать! Потрогать, пощупать. Так сказать, приветственное рукопожатие…

– Прекратите спорить, – вздыхаю я. – Эй! Да успокойтесь! Я не собираюсь никого щупать, тем более Артёма.

Как специально, ровно в эту секунду на телефоне высвечивается непрочитанное сообщение с незнакомого номера.

Как дела, сестренка?

Ошибки быть не может.

Меня вновь накрывает волной неконтролируемой злости.

Откуда у него мой мобильный?!

Девчонки продолжают спорить на тему того, считается ли петтинг полноценным сексом или всего лишь «дружеским жестом», а я пялюсь на телефон. Приличных слов в голове не рождается, зато нецензурных – хватит на полноценный роман. Сдерживаюсь. Не отвечаю, лишь смахиваю сообщение в сторону.

Отец сказал, что мы подружимся

Он издевается, что ли?!

Кстати, они с твоей матерью приезжают послезавтра. Обещают совместный ужин. Познакомимся поближе

Не буду ничего писать. Ни слова. Обойдется.

Притворюсь больной и на встречу не пойду. Решено. Через месяц-другой мама разочаруется в Денисе Владимировиче, как разочаровывалась во всех предыдущих ухажерах, и мне не придется видеть смазливую морду его сына в опасной близости к себе.

– Ты чего зависла, Софа? – щелкает Ира перед моим носом пальцами. – Кто тебе пишет?

Она пытается заглянуть в телефон, но я оперативно жму на кнопку блокировки.

– Да спам очередной. Предлагают взять кредит под конский процент.

– Ладно, рассказать вам, с каким красавцем мы познакомились в интернете? – она протягивает нам мобильный с открытой фотографией.

Оттуда на нас смотрит ни много, ни мало будущая звезда порнофильмов, ибо фотографирует он себя в зеркале фитнес-клуба в одном набедренном полотенце. Которое чуть приспущено, и дорожка из черных волос тянется к… кхм…

– Завтра пересечемся, – облизывает Ирка губы. – Пишет, что устал от неразборчивых связей и готов к серьезным отношениям. Хорош, да?

– Неплох, – соглашаюсь вполне искренне (хоть и понимаю, что про серьезные отношения парнишка нагло врет). – Один только вопрос. Если ему надоели неразборчивые связи, может, в следующий раз стоит надеть трусы?

– Ты скучная, Софа. В жизни нужно попробовать всё.

На этой фразе Ника как-то скисает.

– Ты чего? – киваю ей.

– Игорь кое-что предложил, – морщится она. – Ничего особенного, потом расскажу.

Игорь – её парень, и, если честно, периодически его хочется придушить. Здравых идей в его голове не бывает в принципе, зато он периодически вляпывается в неприятности, с которыми не способен разобраться самостоятельно. В итоге Никос тянет его и по учебе, и по работе. Такая вот вторая мать.

Мы пытались вразумить её, но сами знаете: если человек влюблен, он не слышит никого, кроме себя.

Ладно, захочет – расскажет.

– Давайте я попрошу своего красавчика подогнать двух друзей? – спрашивает Ира, подмигнув нам. – Сходим на тройное свидание в клуб, потом продолжим знакомство у кого-нибудь дома. Хотя не! Софе друзей не перепадет. У неё есть сексуальный Артёмка.

– Отстань.

– Не отказывайся, пока не попробуешь, – выдает она со знанием дела.

Тоже мне: философ недоделанный.

До встречи, сестричка

Приходит на телефон, окончательно лишая меня настроения.

Глава 2

Я привыкла жить одна. Гораздо проще научиться пользоваться дрелью и перфоратором, чтоб стирать кому-то носки ради забитого гвоздя.

А вот маму отсутствие мужчины в жизни крепко задевает. Она считает, что неполноценные семьи – это кромешный ад, а одинокие женщины – жалкие неудачницы.

Мне иногда хочется ей рассказать, что семьи, в которых «мужья» меняются чаще, чем перчатки, тоже так себе. Но я не огорчаю маму. Понимаю, как ей тяжело.

Отец ушел на мой третий день рождения со словами: «Я устал тянуть эту лямку, мне нужно развеяться».

Вот и развеивается уже семнадцать лет. У него есть новая жена, двое детей (которых почему-то тянуть легче, чем одну меня), мы изредка видимся. Он ошибку не осознал, но со мной старается не облажаться.

Мама до сих пор обижена на папу и, наверное, в глубине души пытается доказать ему, что тоже чего-то стоит.

Она просто не умеет выбирать мужчин. Один и тот же типаж: красивый, чуть старше её, но моложавый, обходительный и галантный… у которого наверняка есть вторая семья либо пяток любовниц, либо четыре судимости за разбой.

Мама всякий раз строит воздушные замки и разочаровывается, когда те лопаются.

Вот и сейчас она возвращается с моря в приподнятом настроении.

– Соня, кажется, он – тот самый! – она носится по комнате, развешивая на плечики платья, а я сижу на диване в пижаме и вздыхаю. – Ну, что ты морщишься? Денису ты, между прочим, понравилась! По его словам, у меня прекрасная дочь!

«Чего нельзя сказать про вашего сына», – отвечаю я мысленно, вспоминая взгляд, сканирующий меня сквозь прозрачность воды.

– Очень рада, что понравилась, – отвечаю кисло. – У него точно нет трех жен? Алименты, не? Что насчет внебрачных детей? Непогашенные кредиты?

– Соня, ну почему ты вечно видишь один негатив! – мама закатывает глаза.

Мы давно перешли из отношений родительских в товарищески-доверительные, причем на меня возложена роль занудной подружки, которая просит быть осторожнее, а мама отмахивается от меня как от маленькой.

«Вот влюбишься…» – говорит она.

Ну, влюблюсь, и что?

Что случится-то? Мир перевернется?

Ну-ну.

– Как тебе его сын? Хороший мальчик? Учится в магистратуре, подает большие надежды. Весь в отца, – мама улыбается. – Я рада, что мы поужинаем вместе.

Кстати, насчет «вместе».

– Мне что-то нездоровится, – изображаю приступ то ли тошноты, то ли несварения желудка, то ли тяжелого психического расстройства.

– Правда? Как же не вовремя. Будем тебя лечить. – Жестом фокусника мама достает из миниатюрного чемодана аптечку и перебирает её. – Так, у нас есть абсорбенты, таблетки против диареи, активированный угорь, жаропонижающее, витамины, анальгетики. Что тебе дать?

«Всё вместе. Взболтать, но не смешивать», – подмывает ответить меня, но я качаю головой.

– Может быть, просто поужинаете без меня? Я отлежусь, и всё пройдет.

– Исключено. Соня, ради меня. Всего один раз, договорились?

Категорично так, без возможности отвертеться. Вроде вопрос, но в нем отсутствует вариант «нет».

Ладно, если вдуматься, что может произойти на невинном семейном ужине?

Оказалось, произойти может что угодно.

Например, крах всего моего мира.

***

Что вы знаете о простых семейных застольях четы Мироновых? Стол, устеленный белой скатертью, заставлен блюдами, которые я видела разве что в сериалах о богатой жизни. Вообще-то я не из голодного края, но от ароматов и обилия сводит живот. Тут есть всё. Морепродукты, мясо, деликатесы категории «люкс».

Глава семьи встречает меня комплиментом – «прекрасно выглядишь, Софья», – целует маме ладонь, отчего та смущается как в юности. Выдвигает нам стулья и дожидается, пока мы усядемся.

Миронова-младшего в столовой не наблюдается. Она, конечно, огромна, целое футбольное полое, но не настолько, чтоб там затерялся человек.

Аллилуйя!

Но стоит мне мысленно станцевать канкан, как дверь отворяется, и на пороге возникает тот-самый-парень.

Он одет в футболку и джинсы черного цвета, меньше всего подходящие к торжественному ужину. А ещё у него разбита губа, струйка крови запеклась на подбородке. Взгляд шальной, словно Миронов-младший пьян. Но я чувствую: он трезв. Это что-то другое. Первобытное. Злое.

– Опоздал? – с деланным огорчением уточняет Артём. – Приношу свои извинения.

Денис Владимирович лишь морщится.

– Умойся, – не просит, но приказывает тоном, которым босс отчитывает нерадивого подчиненного.

– Да всё нормально, – белозубо улыбается Миронов-младший, и губа вновь трескается.

Я чувствую кожей, как накаляется обстановка. Меня обдает жаром такой силы, что хочется силой оттащить этого придурка в ванну и обмакнуть его в раковину (а еще лучше, если в туалет), чтобы он не пререкался с отцом.

Я не знаю, чем зарабатывает на жизнь приветливый Денис Владимирович, но что-то подсказывает: у простых людей на столе не водится черная икра.

Между тем, Артём садится за стол и пододвигает к себе блюдо с тарталетками. Не берет, просто заявляет на него права.

– Приветствую всех, – подмигивает он мне. – Отец, представишь нас?

Миронов-старший пасмурно молчит. Желваки его напряглись, пальцы сжались в кулаки. Кажется, он готов придушить неразумного сына голыми руками.

– Рада познакомиться. Марина Валерьевна, – отмирает моя мама, чтобы сгладить молчание. – Я…

– Я сам, – резко обрывает её Денис Владимирович. – Это Марина, моя невеста. А это её дочь, Софья.

– С Софьей мы имели честь пообщаться в более… интимной обстановке, – отвешивает шутливый полупоклон Артём. – Так значит, невеста?

– Именно. Привыкай.

– Видимо, вы ему понравились. Что-то он предыдущих тридцать невест со мной не знакомил. – Миронов-младший присвистывает. – Изредка я видел их выбегающими из его комнаты в одних трусах, но никогда – в одежде и за столом. На столе – бывало, согласен.

Пока моя мама хлопает ресницами, не понимая, как реагировать, зубы его отца скрипят. Громко так. Чуть-чуть, и в порошок сотрутся.

– Убирайся отсюда, если не способен провести один-единственный вечер прилично, – выдыхает мужчина, но сын отвечает улыбкой.

– Да успокойся, это просто шутка. Не самая удачная. Просто я растерян, никогда не знакомился с твоими невестами. Кстати, я – Артём.

Он протягивает мне ладонь.

– Я в курсе, – смеряю максимально мерзким взглядом.

– Может быть, приступим к еде? – мама всё ещё не теряет надежды смягчить удар. – Аж слюнки текут, так всё вкусно выглядит.

Следующие пять минут проходит в молчании, лишь изредка звякает посуда. Артём к еде не притрагивается, да и я вяло колупаю вилкой салат. Ужин – плохая идея, тут и говорить нечего. Уж не знаю, что не поделили Мироновы между собой, но ни тот, ни другой не рады увидеться. Они даже не смотрят в сторону друг друга.

Спрашивается, а на кой тогда Артём приехал?

– А где вы живете, Марина? Далеко? Машины у вас нет, да? – спрашивает Миронов-младший вроде как с заботой.

– Мы живем на севере города, – если мама и замечает подвох, то вида не подает. – Далековато, но всегда можно вызвать такси.

– Ну, не расстраивайтесь, папочка скоро одарит вас квартиркой поближе.

– Почему? – удивляется мама.

– А он всех одаривает, он у меня щедрый.

– Ты можешь шутить сколько влезет, только вот квартиру покупать не придется. Марина с Софьей переедут сюда. В ближайшее время. Мы женимся, Артем.

– Что?! – в один голос восклицаем мы оба.

– Тридцатого августа, – добавляет мама смущенно, и Денис Владимирович обнимает её за плечи. – Мы станем одной семьей.

Одной семьей?!

С этим вот?!

О, нет…

В воцарившейся тишине раздаются жидкие аплодисменты Артёма. Он хлопает медленно, будто его рукам мучительно сложно касаться друг друга.

– Браво, отец, – произносит сиплым голосом. – Ты не придумал ничего лучше, чем в годовщину смерти собственной жены объявить о новой свадьбе.

– Годовщина смерти?.. – не понимает мама.

– Вчера. И я не понимаю, почему через десять лет после трагической гибели Дарьи должен оставаться затворником. Сын, если тебя что-то не устраивает…

– Меня всё устраивает, – рычит Артём. – Я пойду. Дела.

Он срывается с места стремительно, не попрощавшись, не посмотрев ни на кого из нас. Денис Владимирович тщетно пытается отшутиться по поводу взрывного характера сына, но мама молча кивает, глядя в тарелку. Ещё бы, известие о свадьбе после годовщины смерти. Такое себе событие.

Зачем Миронов-старший объявил о помолвке сегодня?

Почему не мог подождать?

– Денис, что это значит? – мама смотрит на него с сомнением. – Тебе нужно поехать за сыном?

– Он взрослый парень, и я не обязан потакать его капризам. Вернется. Ты с самого первого дня знаешь, у меня была жена. И что? Это в прошлом. Я не могу воскресить её, но могу вновь быть счастливым. Переезжайте сюда как можно скорее, вот что я хочу сказать.

Э-э-э. В смысле?!

В этот огромный дом с бассейном и камином?

В голове не укладывается. А как же наша уютная однушка, которую мы снимали столько лет, сколько я себя помню? Мама шутила, что давно могла бы купить дворец на те деньги, которые мы потратили на съем. Но жить-то где-то надо. Ипотеку так просто не взять, без первоначального взноса, а лишних денег у нас не водилось.

А до института как добираться? На собаках? Да я разорюсь заказывать каждый день такси.

Короче говоря, приезжать сюда на выходных и загорать в шезлонге я готова, жить – точно нет.

Разумеется, моего мнения никто не спрашивает. Мне выделяют комнату на втором этаже и говорят, что сегодня будет «пристрелочный выстрел», то есть первая ночевка в новом доме.

Пижамы у меня нет, но это тоже никого не волнует.

Что меня, если честно, бесит до чертиков. А если у меня были планы на вечер?

– Водить умеешь? – спрашивает Денис Владимирович, когда мы возвращаемся в столовую.

– Не-а.

– Тогда будет тебе личный водитель, должна же ты иметь возможность выехать отсюда, – сообщает он будничным тоном, от чего у меня падает челюсть.

Представляю, как приезжаю на пары с водителем и небрежно так сообщаю, что теперь живу в элитном коттеджном поселке. Да меня вечно голодные студенты сожгут в очистительном пламени, чтоб не выпендривалась.

– Устала? – мама по-своему расценивает моё молчание. – Отдыхай. Торт с собой возьми, если хочешь.

Ну, нет. Сломанное мироощущение не спасти куском «Праги».

Я сижу на подоконнике и бездумно пялюсь в окно. Не верится, мама выходит замуж. Опять. В прошлый раз мне было восемь лет, и я искренне называла маминого мужа «папой». Они прожили вместе год и развелись, когда «папа» притащил в нашу квартиру тощую блондинку.

Помню, что мне в школе стало плохо, и меня отпустили домой после третьего урока. Возвращаюсь, а там – «папа» с блондинкой занимаются какими-то акробатическими этюдами. Это я сейчас понимаю, чем конкретно они занимались, а тогда у меня в голове всё сложилось. На кровати – чтоб не разбиться. Обнаженные – чтоб одежда не мешала.

– Не рассказывай маме, что видела, – просил «папа», когда блондинка в ужасе натягивала трусы. – Я хочу сделать ей сюрприз, понимаешь?

– Ага, – важно ответила я и в тот же вечер спросила, могут ли меня тоже отдать в такую акробатику, где все голые и кричат.

Почему-то маме папино начинание не понравилось.

Мы остались одни.

Я не из тех, кто верит в «долго и счастливо». Скорее – наоборот, пессимизм во мне цветет буйным цветом. Любовь, от которой перехватывает дыхание, несет исключительно проблемы: нервные срывы, приступы ревности, обиды на пустом месте. Называйте меня брюзгой, если хотите. Но это факт.

Чем дольше я думаю о грядущей свадьбе, тем сильнее понимаю одну вещь: в битве против маминого «счастья» у меня есть союзник. Правда, не представляю, что должно произойти, чтобы я этим союзом воспользовалась.

Он мне не нравится. На уровне интуиции. Подсознательная неприязнь, злость, текущая по венам, терзающая, рвущая на куски.

Но, между тем, я набираю сообщение.

Есть шанс, что твой отец передумает жениться?

Артем читает сообщение, но не отвечает.

Не очень-то и хотелось.

***

Первая ночь в новой комнате проходит отвратительно. Нет, даже не так. УЖАСАЮЩЕ. Мерзопакостно!

Потому что мне снится… он.

Вначале мы скандалим у бассейна. Всё реалистично, как в жизни, только на сей раз я первой набрасываюсь на него и сталкиваю в воду. Артем зависает на поверхности, раскинув руки и ноги в стороны, улыбается.

– Иди сюда, – зовет мурчащим тоном. – Я знаю, как заставить наших родителей передумать жениться.

– Как же? – склоняюсь над бортиком.

– Иди сюда, – повторяет, кружась точно в танце, – расскажу.

Мои коленки подгибаются, и я рушусь в бассейн. Тот кажется бесконечным, ноги никак не могут отпружинить от дна. Захлебываюсь. Перестаю понимать, где нахожусь. А сверху доносится каркающий мужской смех, и накатывают волны.

Он вытаскивает меня за шкирку, обхватывает в кольцо рук. В моем мозге зарождается мысль: как же он удерживает себя на плаву? – но она быстро теряется в сонном смятении.

Мы так близко, наши тела соприкасаются, капельки воды стекают по коже. Сильный. Горячий. Я пытаюсь отпихнуть его ладонями, но лишь сильнее увязаю в густых, словно кисельных, водах.

– Давно мечтал попробовать их на вкус, – Артем нежно проводит пальцем по моей нижней губе, и внизу живота сводит приятной истомой. – Попробовать тебя…

Он целует меня неистово, глубоко. Не стесняясь ничего, не пытаясь смягчить «удар». Не спрашивая разрешения.

Умелые пальцы расшнуровывают завязки на бюстгальтере, обводят грудь и…

Я просыпаюсь посреди ночи и на цыпочках прокрадываюсь на гигантскую кухню. Не могу напиться, вкус воды кажется гадким, химическим. Внутри колотит озноб, и жар не покидает тело. Меня словно скрутило как мокрое полотенце.

В своей спальне есть один плюс – личная ванная комната. Приятно залезть в ванну и залипнуть на час, не думая о том, что мама проснется и начнет задавать ненужные вопросы.

Бутылочек с пеной здесь, конечно, не имеется, зато гелей для душа такое изобилие, что можно один флакончик целиком вылить в воду.

Погружаюсь в воду с головой, зависаю на несколько секунд, слушая, как бьется собственное сердце.

«Попробовать тебя…» – стучит в висках.

Мои мысли вновь и вновь возвращаются к Артему Миронову, который не должен вызывать во мне ни единой теплой эмоции. Но я вспоминаю, как убежал он дома, какой яростью горели его глаза. Как бы мне хотелось точно так же убежать, наплевав на всё.

Да и что мешало?

Мне уже не шестнадцать лет, даже не восемнадцать. Взрослая девушка, имею право на собственное мнение. Вольна поступать так, как захочу сама.

Почему тогда осталась? Ради мамы, которая вновь оступится? Или ради себя?

Лелеять собственные страхи всегда проще, чем действовать. Быть слабой проще, чем попытаться что-то переломить.

Я обязательно уйду. Но когда пойму, что с мамой всё в порядке, и никто не причинит ей вреда.

А Артем…

Демоны в моей голове отплясывают и шепчут: «Попробуй его по-настоящему».

Я показываю им мысленно средний палец.

Глава 3

В клубе сегодня душно, и музыка как-то особенно сильно долбит по затылку. Я люблю танцевать, мне нравится растворяться в танце, тонуть в ритмах. Но сегодня не получается расслабиться. Девчонки накачиваются коктейлями – Ирку изрядно ведет в сторону, – а я лениво мешаю трубочкой лед в бокале.

Пить тоже не хочется.

С момента нашего внезапного переезда к Миронову прошло чуть меньше недели. От личного водителя я наотрез отказалась, поэтому в город меня довозит такси. Я уже ненавижу проселочную дорогу, бесконечное шоссе и унылые поездки туда-обратно.

Казалось бы, радуйся. Но меня словно лишили свободы, обрезали крылья, заперли в золотой клетке.

Вернуться бы в нашу квартиру хотя бы на несколько деньков, но мама сказала:

– Я расторгаю договор и в ближайшее время перевезу вещи. Привыкай.

Вот так в одночасье меня лишили привычного мира и ещё удивляются, чем я недовольна.

– Да где все нормальные мужики? – жалобно стонет Ирка, оглядев зал. – Кстати, спасибо, что поинтересовались, – язвит она. – Но с тем качком у нас не срослось. Вы знали, что от стероидов у парней их боец падает? Совсем падает. Бесповоротно. Вот так облом. Короче, мне срочно нужен парень. Любой, но желательно красивый.

– Член тебе нужен, а не парень, – язвит Никос. – Здоровенный такой, который выбьет из тебя дурь. Причем бить тебя им нужно исключительно по лбу.

– Не откажусь. Софья, ну чего ты опять киснешь. Как твой будущий отчим?

– Цветет и пахнет, – бурчу. – Да вы болтайте, не отвлекайтесь.

– Софа просто заелась, – показывает мне язык Ника. – Золотые унитазы ей, видите ли, не нравятся и черная икра на ужин не устраивает. Несчастная,

будущий папочка всего-то миллионер, а не миллиардер.

Подружки начинают хихикать, а я демонстративно прихлебываю из бокала, заглушая их язвительные замечания.

– Давайте лучше танцевать, – решительно встаю из-за стола. – Или вы сюда языками трепать пришли?

На танцполе чуть проще забыться. Двигаться в такт музыке. Теряться. Перерождаться под каждый новый бит и угасать, когда замолкает песня. Я становлюсь раскована и могу двигаться так, как не позволила бы себе в другой обстановке. Но приглушенный свет скрадывает детали, и можно обводить себя руками, склоняться чуть сильнее, чем позволяют правила приличия.

А потом я натыкаюсь на компанию, сидящую за барной стойкой. Даже не на компанию. На одного конкретного человека. Который внимательно смотрит, словно среди сумрака и ядовитых брызг света видит лишь меня.

Наши взгляды пересекаются будто мечи, высекая искры, искривляя пространство.

Я замираю, а Артем отворачивается к своим друзьям, говорит им о чем-то.

– Ты чего? – наклоняется ко мне Ника.

– Видишь того парня? – незаметно мотаю подбородком в сторону бара. – Третий справа, в футболке-поло?

– Ага.

– Это Артем.

– Тот самый Артем?! – восклицает Ника, и мне кажется, что её возглас перекрикивает музыку.

К счастью, это не так. На нас никто не оглядывается, а Никос подлетает к Ире и шепчет что-то ей на ухо. Вскоре их взгляды устремлены на моего будущего

сводного братца. Причем Ирка плотоядно облизывается.

– М-м-м, вот это да. Красив! Слушай, а он не на стероидах? А то дважды за одну неделю обидно будет запасть на импотента.

– Не представляю.

– Вроде бы нет. Рельеф естественный, – говорит она как главный знаток стероидных качков. – Соф, а насколько неприличным будет с моей стороны пригласить Артема на чашечку утреннего кофе?

Она тупит взор аки невинная дева, да вот только наращенные ресницы и мини-юбка изрядно портят образ.

– Валяй, – разрешаю вполне искренне.

Что мне с того, с кем сегодня уйдет Миронов-младший? Даже лучше, если это будет Ирка. Глядишь, узнает что-нибудь любопытное про него, что я потом смогу использовать в своих интересах.

Каковы шансы вот так встретиться, в одном из многочисленных клубов, в единственный вечер, когда я решила выползти в город?

– Ирка, ну ты чего! – Никос хлопает её по плечу. – Нельзя спать с братом Софы! Аморальщина какая-то!

– Он мне не брат.

– Дела не меняет!

– А с его друзьями я могу спать? – обижается Ирэн. – Или тоже ни-ни?

– Да спи ты с кем хочешь, – злится подруга. – Только потом не жалуйся, если что-то пойдет не так. Блин, как можно думать одним местом?

–Ну-ка, уточни, каким таким местом я думаю?

– Тем самым!

Ссора разгорается. Девочки вспыхивают как спички, им достаточно пары слов, чтобы закуситься насмерть. Ну а я, пытаясь разнять подруг, не сразу замечаю, что Артем исчезает из поля видимости. Что ж, даже к лучшему. Близость к нему вызывает смутное раздражение. Пусть скорее катится в свою столицу и не мешает мне дышать спокойно.

Меня начинает подташнивать.

Это мой город, мои клубы.

Моя мама, которая собирается стать женой Миронова-старшего.

Вот опять. На горизонте появился Артём, и моё настроение испорчено окончательно. Я веду себя как маленькая девочка, у которой отобрали любимую игрушку. Не понимаю, почему становлюсь такой. Куда девается рассудительность, почему наружу вылезает злость и обида.

Надо отдышаться.

Он обнаруживается на заднем дворе клуба, где курит. Я замечаю его первым. Наблюдаю за тем, как алым зажигается кончик сигареты, как ночной воздух окутывает дымом. Будто сказочный огнедышащий дракон, Артем стоит и смотрит в звездное небо, пока я бесстыдно рассматриваю его.

– Что-то хочешь мне сказать… сестренка? – смакует он, не оборачиваясь. – Как тебе дом моего отца? Нравится? Он уже очаровал тебя своими деньгами? Папочка умеет быть добрым и щедрым, если захочет. Правда, если ты его разочаруешь, то лишишься всех привилегий. Но ты же будешь примерной дочуркой, да?

Я вспыхиваю и разворачиваюсь на каблуках.

Пошел ты, Артем Миронов.

***

– А как тебе такой вариант? – мама поворачивает ко мне экран ноутбука. – Не слишком развязно?

Она выбирает свадебное платье. Закинув ноги на стол, закусывая дужку очков. Мне кажется, мама всю жизнь мечтала оказаться на картинке как с дизайнерского журнала, и вот у нее получилось. Всё как с экрана. Правда, жених почти всегда на работе, но это не мешает маме с энтузиазмом готовиться к свадьбе, компоновать меню и планировать рассадку.

Я смотрю на картинку.

Отдельно юбка и верх-блузка. Кремовый оттенок, ничего кричащего и выпирающего. Если дополнить ниткой жемчуга, то будет и целомудренно, и женственно, и стильно.

– Мне нравится, – показываю большой палец и заглядываю в холодильник.

Внутри – сплошь здоровое питание. Мама худеет к свадьбе, а заодно с ней худеем мы с Денисом Владимировичем. Потому что, цитирую, «нам всем не помешает очиститься от шлаков и токсинов». Завтракаем смузи, обедаем овощными супами, ужинаем какой-то травой с тунцом.

Пока никто из нас не похудел, зато я нашла доставку пиццы, которая ездит в коттеджный поселок. Однажды, встречая курьера у въезда, я увидела, как Денис Владимирович сидит в сквере и жадно вгрызается в шаурму. В ночи. При свете фонарей. Не боясь заляпать брендовую рубашку.

Он стал нравиться мне чуточку больше.

– А что наденешь ты? – мама пробегает пальцами по клавиатуре. – Смотри, какое симпатичное платье. О, твой размер есть. Давай закажем?

– У меня хватает платьев. Что-нибудь выберу.

По правде, я даже думать не хочу о грядущей свадьбе и уж точно – выбирать праздничный наряд. Во мне вызывает отторжение любая мысль о церемонии и нудной тетке из ЗАГСа, которая будет вещать про два корабля в море

одиночества. Я не хочу видеть дальних родственников, не хочу орать «Горько!»

Зачем, если однажды мама всё равно будет рыдать над свидетельством о разводе, а Денис Владимирович найдет себе новую невесту?

– Ну чего ты такая бука. – Она качает головой. – Моя дочь должна быть принцессой!

«Погода была прекрасная. Принцесса была ужасная», – вспомнилась фраза из старого мультфильма. Я как та принцесса: мерзкая, всем недовольная и способная доконать даже приличного людоеда.

– Ладно, обсудим позже, – мама вздыхает и вновь утыкается в ноутбук. – О, ответили Смирновы. Говорят, что не смогут приехать. Ну вот, опять менять расстановку мест. Я только скомпоновала так, чтобы никто не скучал.

– Ну и с кем посадишь меня?

– Молодежи не так много, поэтому выбирать не приходится. Света из Воронежа, помнишь, она в детстве кусала тебя за ляжки? А, ещё Саша из Пятигорска, он только-только из армии вернулся. Так, потом твои подружки, Ира с Никой. Ну и Артем.

– Какой ещё Артем?.. – произношу онемевшими губами.

– Как какой? Сын Дениса, конечно же. Надеюсь, к тому времени он немножечко остынет. Денис говорит, что ему нужно смириться. Но меня, по правде, беспокоят их отношения. Я не хочу быть злой мачехой, из-за которой мальчик ушел из дома. А Денис первым на контакт идти отказывается. Да ну их, взрослые мужики, а ведут себя как дети малые.

Она рассказывает мне про рассадку, открывает электронный план с обозначением мест, а я тупо киваю, даже не пытаясь слушать.

Разумеется, я понимала, что Миронов-младший на свадьбе появится. Но провести весь вечер за одним столом – это слишком. Мы пять минут не может выдержать, чтобы не начать источать яд. Я не нравлюсь ему так же сильно, как

и он – мне. Это обоюдное чувство. Острое, горькое. Настоящее.

Почему оно зародилось? Один ли бассейн тому виной?

Ладно, мне есть, от чего беситься, все-таки в одних трусах меня до сих пор видели только подружки. А ему? Он зол на то, что его отец нашел себе женщину? А я в чем виновата? Я маму не просила знакомиться с Денисом Владимировичем.

Или что?

Ладно, признаю. Это по-детски. Отказываться сидеть вместе, дуться, припоминать. Надо уже послать лесом Миронова-младшего и заняться чем-то более важным.

Например, постараться не вздернуться, представляя всех далеких родственников в одном помещении разом.

Словно прочитав мои мысли на расстоянии, Артем вспоминает обо мне. Экран мерцает, оповещая о новом сообщении.

Как дела, сестренка?

Надо же, вспомнил. Соскучился?

Смахиваю, не прочитав.

Пошел ты, Артем Миронов.

Кажется, скоро это станет моей мантрой. Слишком часто повторяю эту фразу. Ложась спать и просыпаясь посреди ночи, тяжело дыша. Общаясь с подругами и вспоминая тлеющий огонек сигареты.

Почему он умудряется быть в моей жизни даже тогда, когда исчезает из неё?

И как излечиться от его присутствия?

***

Зачем я еду в тот ночной клуб, да еще и посреди недели? В гордом одиночестве, без подруг, в толстовке и джинсах. Я не похожа на человека, готового убить вечер среды на танцы. Но меня незримо тянет сюда. Сбегаю из дома и называю таксисту другой адрес, хотя в приложении забивала безобидную кофейню в центре.

Почему?

Охранник лениво мажет по мне взглядом. Ему откровенно плевать. Единственная официантка откровенно скучает, когда я ныкаюсь за дальним столиком. Даже идти ко мне не хочет. Нехотя отрывает попу, обтянутую ультракороткими шортиками, от барного стула.

– По средам у нас пятидесятипроцентная скидка на основное меню. Кроме того, при заказе пяти пивных коктейлей шестой вы получаете бесплатно, – лениво, даже не поздоровавшись.

– Минеральной воды, – решаюсь я. – И гренки.

Зачем я сюда пришла? Какой придурок (кроме меня) припрется в ночной клуб сейчас? Точно не Артем. Да и зачем он мне? Я ведь не ради него проехала тридцать километров.

А ради чего?..

Оторваться?

Да, наверное.

Надо было всё-таки позвать девчонок. С ними как-то веселее. А так я похожа на одинокого алкоголика в завязке, который решил вспомнить бурную молодость.

– Девушка сегодня работает? – подваливает ко мне подвыпивший парень в косухе.

– Девушка отдыхает, – отвечаю раздраженно.

– Да ладно тебе. Сколько берешь?

Так, понятно, объясняться бесполезно. Не поверит.

– Девять сотен… евро, – подмигиваю. – За час.

– Это ж как ты сосешь?! – закашливается парень и быстренько удаляется, пока не заставили платить.

Как вакуумный пылесос, парнишка. М-да, приятно осознавать себя элитной проституткой.

Я отпиваю минералки, осматриваю полупустой зал. Танцующих совсем мало, буквально человек пять. Диджей вяло переставляет треки, бармен зависает в мобильном телефоне.

Определенно, нужно позвать девочек. А лучше – убираться отсюда поскорее.

Я доедаю последнюю гренку и только хочу расплатиться, как примечаю в дверях ту самую компанию. Вижу макушку Артема, входящего последним.

Блин-блин-блин.

Ну а дальше я поступаю как сильная и независимая женщина.

Да, прячусь под стол. Имею полное право. Потому что не хочу, чтобы он думал, будто я за ним слежу. Я ведь приехала сюда совсем не ради того, чтобы подглядывать за сводным братцем и упиваться злостью.

Компания садится в другой конец зала, мне их отсюда совсем не видно.

Так, надо подумать, как незаметно выбраться.

Рядом со столиком цокают каблучки. Длинные ноги замирают перед моим лицом.

– Вот коза, – доносится сверху. – Пожрала и не заплатила. Чтоб у нее от этих гренок запор случился.

– Я здесь, – шепчу официантке, чуть высунувшись. – Я обязательно расплачусь, вы не думайте. Только посижу немножко.

– Ладно, – говорит та абсолютно равнодушно, как будто шизофреники ежедневно заглядывают в клуб. – Что-нибудь принести?

– Нет, спасибо.

Она удаляется, а я продолжаю обдумывать план спасения.

Так, если проползти за столиками, потом обогнуть барную стойку, можно пробраться к туалету. А оттуда быстренько рвануть к выходу.

Достаю из кошелька купюру побольше и наощупь складываю на стол. И только планирую стартовать, как…

К моему столику приближаются новые ноги. Подозрительно знакомые, обтянутые в черные джинсы с потертостями на коленях.

– Удобно? – спрашивают меня ноги голосом Миронова-младшего.

Ой, всё. Должны же быть у девушки маленькие причуды. И вообще, под столом лучше долбят басы. Акустика правильная, ага.

– Очень, – отвечаю спокойным тоном. – Не загораживай свет.

– Когда насидишься, вылезай. Пол холодный. Двигай-ка ты лучше домой, хорошим девочкам вроде тебя нечего делать в ночных клубах.

А не пойти бы тебе лесом, братец. И нравоучения свои засунь поглубже.

Он и уходит, а я понимаю, что дальше прятаться попросту бесполезно. Вылезаю наружу, показательно отряхиваюсь. Мол, всё так и планировалась. Разумеется,

дружки Артема поглядывают на меня. Всего их трое, но по ощущению – целый десяток.

Сбегать сейчас будет идеей глупой и провальной. Поэтому я, лавируя между столиками, приближаюсь к компании Миронова. Те обсуждают что-то и громко ржут. Даже излишне громко, я бы сказала.

– Занято? – мило улыбаюсь и киваю на свободное место.

– Тебе разве не пора домой? – он скрипит зубами.

– Да ты чего. Дай девочке остаться, пусть посидит с нами! – подначивают его друзья.

– Присаживайся ко мне, – Артем опасно косится в мою сторону, будто не рад видеть рядом с собой (поверь, это взаимно), и чуть сторонится. – Познакомьтесь, моя знакомая. Софья.

Он не добавляет коронного «сестренка», хотя клянусь небесами – ему хочется.

– Хорошенькая, – отмечает бритоголовый парень, сидящий напротив. – Мирон, откуда ты знаешь таких красоток? Почему не знакомил раньше?

– Ещё и со странностями, – хохочет симпатичный, похожий на ангелочка, блондин. – Что под столом делала? Отдыхала?

Никто из них не представляется, даже не пытается назвать своих имен.

– Сережку потеряла, – нагло вру и касаюсь ушей. – Обе. Так и не нашла.

– Ничего, мы тебе новые купим, только попроси. Тебе что-нибудь заказать? – третий, темноволосый и щуплый, вываливает на стол банковскую карточку. – Лонг-Айленд? Не скромничай, я сегодня щедрый.

– Она не пьет, – отбивает Артем быстрее, чем я успеваю отказаться. – Нельзя. На таблетках сидит.

Нашелся тут, защитник. Я бы и сама додумалась сказать «Нет». Уж не тупая. Ещё и соврал зачем-то. Что, я не могу не пить просто так, без веской причины?

Заказываю вторую минералку и прихлебываю её с усиленным энтузиазмом.

Мне б побыстрее отсюда убраться, но ноги словно магнитятся к полу. Некоторое время на меня не обращают внимание. Обсуждают что-то свое.

Мне не нравится их диалог. Они не называют имен и не говорят никаких конкретных вещей, но в недосказанности слышится что-то опасное. Запретное. Я стараюсь запомнить как можно больше, хотя понимаю: лучше бы не обдумывать подробности.

Фразы вроде бы безобидные, да только интонации…

– Так что там Косой? – спрашивает блондин, потянувшись. – Затих?

– Да, но это временно, – отвечает Артем. – Я поговорю с ним, не переживай.

– Не надо. Мы с парнями заедем на днях, потолкуем. Давно не виделись, я соскучился.

Дружки в ответ хмыкают и кивают, а блондин щелкает костяшками пальцев.

Артем – единственный, кто не пьет. Он сосредоточен, на меня принципиально не смотрит. А вот остальные уже ополовинили графин водки и заказывают второй. Взгляд блондина вновь обращается ко мне.

– Как насчет текилы, Сонечка?

– Увы, таблетки, – напоминаю я, потупившись. – Мне уже пора идти. Приятно было познакомиться, но…

– Да обожди, – темноволосый накрывает мою ладонь. – Посиди с нами ещё, хочешь, закажи себе суши? Что там любят девочки? Десерт?

– Ей, действительно, пора, – настаивает сводный братец, и я вижу, как сжимается его кулак под столом. – Малолетка, родители разволнуются, если не придет до одиннадцати.

Что-то подсказывает, что разговор вышел за рамки обыденных. Я застываю на месте, не решаясь сдвинуться места. Почему-то жду команды от Артема. Пусть только он разрешит стартовать, и я побегу так быстро, как ни бежала никогда в жизни.

Воздух начинает тяжелеть, как и взгляды. Кажется, я поспешила назвать этих людей друзьями.

Кто же они? Собутыльники? Сообщники?

– Малолетка, говоришь? – заинтересовывается блондин. – Сколько тебе?

– Достаточно, чтобы пойти домой прямо сейчас, – отвечает Артем и тянется к графину. – Давайте лучше выпьем. Хорошо же сидим.

– Слушай, Мирон, а ты чего так о ней печешься? – бритоголовый осматривает меня. – Кто она тебе?

Я ожидаю, что он скажет «Сводная сестра» или съязвит в привычном духе, но Миронов-младший молчит подозрительно долго.

– Знакомая, – цедит он.

– Тогда не вижу причин для волнений, – блондин хмыкает. – Предлагаю разложить её на четверых.

Что?!

Меня накрывает липкая паника. Внутренности скручиваются, воздуха становится катастрофически мало.

Надо бежать? Или лучше сидеть?

Что делать?..

Я вижу, как напрягается Артем, краем глаза наблюдаю за его реакцией.

– Мирон, тебе жалко, что ли? Сам же пялился, пока она под столом сидела. Явно не из праздного любопытства, – подначивает темноволосый и вновь тычет своей кредиткой. – Мы заплатим. Хватит и на туфельки, и на побрякушки.

Внезапно я замечаю под ремнем Артема пистолет и вижу, как рука выхватывает его. Медленно. Кончиками пальцев. Будто в старых вестернах, где герои долго присматриваются друг к другу, а пальцы их нащупывают спусковые крючки.

Это – настоящее оружие.

Вашу ж мать!

Не так я рассчитывала провести вечер среды.

– Ты что, ради бабы наставишь пукалку в лица друзей? – блондин морщится.

– Если придется.

Официантка и бармен ничего не предпринимают. Смотрят настороженно в нашу сторону, но не спешат звонить в полицию. Эй, вы что! Тут же творится какая-то дичь.

– Дайте нам уйти, – говорит Артем, жестом приказывая мне подняться, не сводя пистолета с лица блондина.

На негнущихся ногах я встаю, цепляюсь за край стола, пошатываюсь, и Миронову-младшему приходится схватить меня за талию и сильно вжать в себя. Иначе бы упала, клянусь.

Мы оказываемся на улице, проходим пару кварталов. Пусто. Город словно назло вымер.

Я с опаской кошусь на пистолет, который Артем продолжает сжимать в пальцах.

– Он разряжен, – объясняет коротко.

– Я-ясно…

Миронов-младший торопливо достает из кармана связку ключей и вручает их мне. Наши пальцы соприкасаются, и меня обдает волной жара. Накрывает с головой. Туманит сознание страхом и чем-то ещё.

– Убирайся отсюда. Тачка стоит на парковке возле торгового центра. Щелкнешь сигнализацией и найдешь. Водить умеешь?

– Да… нет… не очень, – я сглатываю и крепче сжимаю ключи в кулаке.

Он крепко матерится и оглядывается. Почему-то мат из уст Артема звучит правильно и… волнительно.

– Такой ответ меня не устраивает. Разобьешься. Тогда заказывай такси и уезжай отсюда. Немедленно! Не вздумай никому трепаться о произошедшем. Для собственного же спокойствия. Поняла?

– Д-да. А ты?..

– Разберусь, – он вновь смотрит себе за спину. – Пошла. Ну же, не заставляй меня повторять ещё раз.

Моё сердце колотится где-то в районе селезенки. Я возвращаю ключи и достаю телефон, спешно открываю приложение с заказом такси.

Артем кивает и удаляется, не дожидаясь, как я уеду.

Кажется, прилежный сын ввязался в какие-то сомнительные дела.

Осталось понять, чем это для него грозит?..

Дурное предчувствие холодит кровь. Я сажусь в приехавшую иномарку и говорю водителю:

– Подъедете к клубу. Адрес назову.

Глава 4

Мы припарковались невдалеке от здания, и я нервно высматриваю Артема или его «друзей». Никого. Никто не входит и не выходит.

Кажется, у меня отсутствует инстинкт самосохранения. Отбит начисто. Я осознаю, что правильнее всего уехать, но нехорошее предчувствие заставляет меня сидеть ещё и ещё. До последнего.

– Счетчик тикает, – недовольно говорит водитель. – Три рубля минута ожидания.

Я вручаю ему пять тысяч – последняя купюра в кошельке – и говорю:

– Думаю, этого хватит. Постойте ещё немного.

– Парня высматриваете? – сразу же добреет таксист. – Изменяет, да?

Не реагирую, лишь до боли напрягаю зрение, пытаясь рассмотреть хоть что-нибудь.

Наверное, так нельзя поступать. Нужно ехать домой, как и просил Артем, но я упрямо открываю дверь.

– Сейчас вернусь. Если увидите меня в компании троих мужчин – вызывайте полицию. Я не шучу.

Направляюсь к клубу. Охранник всё так же караулит у входа, всё так же оглядывает меня с ленцой.

– Отсюда только что кто-нибудь выходил? – спрашиваю его, обхватив себя за плечи. – Троица. Один блондин, второй темн…

– Да знаю я, о ком ты, – перебивает охранник, не дослушав. – Минут пять назад.

– С ними никого не было?

– Не-а.

Возвращаюсь в такси, рушусь на заднее сидение. Дурное предчувствие никуда не девается, лишь усиливается с каждым новым вдохом.

– О, вы живая. Хорошо. А то я немного испугался. Прям триллер какой-то, полицию вызывать и всё такое, – смеется благодушно настроенный водитель, который теперь готов кататься со мной куда угодно (в пределах тарифа, конечно же). – Куда теперь?

– На парковку торгового центра, – отвечаю решительно. – Второй поворот направо.

Что я надеюсь там найти? Черт знает.

Буду оглядывать все автомобили и надеяться, что Артем не уехал? Стучаться в окна? Откуда я узнаю, какая конкретно машина принадлежит Миронову?

Пишу ему, не попадая по кнопкам:

Всё хорошо?

Не отвечает, даже не читает сообщение.

Твою ж мать.

На моё счастье, парковка полупустая. Дешевые авто российского производства я сразу отметаю – не поедет Артем на «копейке», без вариантов. Мимо внедорожника со значком «ребенок в машине» тоже прохожу без сомнений.

Отметаю единственную машину для инвалидов.

Темно-синяя иномарка привлекает моё внимание. Точно! На брелоке, который вручил мне Миронов, был такой же значок. Стекла затемнены, не разглядеть, что внутри. Окна закрыты. Зачем-то дергаю ручку пассажирской двери и…

– Мамочки… – я отшатываюсь, когда загорается свет, и передо мной оказывается человек.

Смертельно бледный, он стискивает простреленный живот ладонью, и кровь сочится из раны, будто вишневый сок. Вишневый сок с ароматом металла.

– Уходи, – требует Артем, морщась. – Живо.

– Да пошел ты, – внезапно изрекаю я и стаскиваю с себя балахон.

В институте у нас был курс оказания первой помощи. Я ещё думала, в какой ситуации мне пригодится знать, как перевязывать раны. Ведь хорошие девочки типа меня, если цитировать Артема, в неприятности не ввязываются и крови видеть не должны.

Оказалось, оно не лишнее.

Так, ранение пришлось чуть сбоку, брюшная полость не задета. Была б задета – уже б окочурился, а так вполне живой, вон, даже пререкается.

– Они могут вернуться.

– Могут, – соглашаюсь, обматывая толстовку и сильнее прижимая ладонь Артема к ранению.

Вроде бы при огнестрельном ранении в живот нужно смочить повязку водой и наложить поверх холод. Но где взять этот самый холод?

Получается, он из-за меня подставился под пулю.

Ну и что теперь делать? Гордиться этим?

– Не смей обращаться в больницу, – рычит Миронов-младший, заметив, как я вытаскиваю телефон. – От этого зависит не только моя, но и твоя жизнь.

– Ты истечешь кровью, если я не обращусь!

– Лучше отвези меня в отель, – после секундной паузы решается он и сильнее выдыхает.

– Ты придурок? – уточняю красноречиво. – Как я объясню метрдотелю, почему тащу окровавленное тело в номер? Ты поедешь в больницу, и точка.

– Тогда домой.

– К отцу?

– Именно. С ним легче объясниться, чем с полицией.

– Ты не доедешь…

Он впивается в меня колючим холодным взглядом, в котором больше стали, чем в открытой ране.

– Софья, либо вези, либо проваливай!

Ага, вези. Хорошая идея. Нащупываю связку ключей, сажусь на водительское сидение.

– Точно. Ты же не умеешь водить, – вспоминает Миронов, тяжело дыша.

Как сказать. Умею относительно. Каталась с парнями на площадке перед институтом. Но прав не получала и теорию не знаю вообще. Главное, чтобы не механика, иначе я запутаюсь в передачах.

Если меня тормознут полицейские, нам конец.

Надо все-таки ехать в больницу…

Наверное, все мои возможности аккумулируются от выброса адреналина, но я вспоминаю, как управлять железным зверем. Он ревет на поворотах, скрипят шины, я выворачиваю руль и радуюсь тому, что за несколько дней наизусть выучила дорогу до коттеджного поселка.

Спасибо Степке Соловьеву за то, что обучил меня вождению. Он с первого курса влюблен в меня и занимался этим сугубо из личного интереса – чтоб зажать где-нибудь в уголке и случайно потрогать за коленку. Но, в итоге, благодаря нему я смогла совершить невозможное. Доехать.

Мне везет, и шлагбаум на въезде в поселок поднимается тотчас, стоит фарам моргнуть.

Я торможу прямо возле нашего забора, пропахав газон и любовно взращённые садовником кусты гортензии. Авто замирает в сантиметре от удара.

– Лежи тут! – приказываю Миронову.

– Далеко не уйду, – скептически отзывается тот и улыбается белесыми губами.

А дальше всё происходит как зыбком тумане. Я натыкаюсь на маму, что-то кричу ей, она зовет Дениса Владимировича. Тот бежит к машине, осматривает Артема и осторожно вытаскивает его. Мама крестится и плачет. Денис Владимирович подозрительно спокоен.

Меня накачивают успокоительными каплями и оставляют с мамой наверху. Жду сирен скорой помощи и ярких мигалок, но коттеджный поселок безмолвствует.

– Как они там? – спрашиваю, прислонившись к двери ухом. – Почему не едет скорая?..

Миронов-старший попросту запер нас в спальне со словами: «Меньше причитать будете».

– Судя по всему, скорая и не приедет, – неожиданно без эмоций откликается мама. – Ты говоришь, подстрелили? Значит, лучше обойтись без шумихи. Успокойся, Денис знает, что делать. Расскажешь, что случилось? Где вы пересеклись?

Отрицательно мотаю головой.

– Позже…

Когда придумаю достойную историю.

Мама понимающе кивает и вопросов не задает.

– Надо бы тебе сдать на права, – добавляет она меланхолично, рассматривая в окно следы от шин. – Техника, конечно, хромает, хотя мне никогда не нравились те гортензии.

Я хихикаю, но смех это исключительно нервозный. В итоге мы с мамой ложимся на кровать и, обнявшись, вспоминаем моё детство и то, как спокойно было раньше. Ближе к рассвету меня накрывает рваная дрема, из которой я вырываюсь на несколько минут и погружаюсь вновь, неспособная бороться с усталостью.

Нас выпускают спустя несколько часов бездействия, под самое утро. Денис Владимирович говорит, что Артем отдыхает и что его здоровью ничего не угрожает.

– Его осмотрел мой личный врач, и причин для волнения нет, – успокаивает меня будущий отчим. – Жить будет. Шрамы украшают мужчин, особенно – дурковатых, как Артем.

Даже не буду спрашивать, что за врач способен приехать посреди ночи в загородный поселок и без лишней шумихи подлатать парня.

Впрочем, волноваться не о чем. Миронов-младший спит, Миронов-старший курит на террасе, а мама пытается сладить с завтраком, хотя получается плохо. Она тоже нервничает, хоть и пытается не подавать вида.

А днем мне приходит лаконичный ответ на прошлое сообщение, отправленное Артему:

Всё хорошо.

И я с облегчением выдыхаю.

***

Отвертеться от допроса не удается. Думается, Миронов-старший обучался методам раскалывания преступников, потому что к делу он подходит со всей ответственностью. Приглашает меня в свой кабинет и предусмотрительно запирает дверь изнутри. Не хватает только прожектора, что светил бы мне прямо в лицо.

Я тут ещё не была. Выдержанно классический стиль, много древесины, стеллажи полны старинных – это видно по корешкам – книг.

– А теперь рассказывай, куда опять влип мой отпрыск?

Он садится за монументальный рабочий стол и закуривает, а я тону в мягком кресле, стоящем возле кофейного столика. Поправляю пустую пепельницу. Оглаживаю граненое стекло подушечкой пальца.

– Он хотел меня защитить. Клянусь.

А сама нервно сглатываю.

Миронов-старший сказал «Опять». Опять вляпался. Да ещё таким будничным тоном сказал, будто про чистку зубов.

И часто ему привозят умирающего сына?..

– Разумеется, хотел защитить, не спорю, – соглашается Денис Владимирович. – Подробнее. Что такого должна была ты натворить, чтобы Артем получил пулю в живот?

Под его взглядом трудно собраться. Так и хочется спрятаться в норку.

Я рассказываю всё. Про нелепую поездку в клуб и про то, как подсела за столик к компании Артема. Про приставания и пистолет. И про то, что я не уехала, а решила отыскать машину.

Похоже на дурацкий детективный сериал, мне не верится, что такое могло произойти посреди недели в крупном городе.

– Поступок, конечно, храбрый, только если б эти уроды остались с Артемом, они бы тебя пустили по кругу и убили как лишнего свидетеля, – заключает Миронов-старший, достав новую сигарету. – Думала о таком?

Не думала. Мамочки. Меня пробирает волна дикого ужаса. А ведь всё могло так и закончиться. Если бы они не уехали или я попалась им в клубе…

Но ведь обошлось.

Надо мыслить позитивно.

А если они вернутся, чтобы закончить начатое?

Мыслить позитивно не получается, потому что мысли мои скачут как блохи, и паническая атака разрастается, накрывая с головой.

– Свободна, – Денис Владимирович кивает в сторону двери. – В следующий раз подумай о матери прежде, чем лезть в неприятности.

– Но я же… помогла Артему…

– Ты ему никто и не должна разбираться с проблемами, в которые он впутывается с поразительной частотой. Это были дружки Артема и вся ситуация произошла исключительно из-за Артема. Можно сказать, он получил по заслугам. В следующий раз будет думать. Разговор окончен. Иди.

Обычно улыбчивый и добродушный Денис Владимирович резко меняется, говоря о сыне. Его тон наполняется льдом, желваки твердеют. Он так сильно вжимает

сигарету в пепельницу, будто хочет растолочь ту в песок.

Я пробегаю мимо спальни Миронова-младшего, но внутрь не захожу.

Прячусь в своей комнате как в спасительной капсуле, но недобрые мысли накрывают и там. Что-то мне подсказывает, что семья Мироновых не так проста, как кажется. Отец знает о криминале многое и окровавленный сын не пугает его ничуть.

Может быть, ещё не поздно вытащить отсюда маму и сбежать? Вернуться в уютный мирок, принадлежащий только нам?

Правда, я уверена, что мама меня не услышит.

А потому нужно быть начеку.

Ты в порядке?

Новое сообщение. Короткое, но почему-то я даже рада получить его. Умирающие обычно не пишут смс, им не до того. Значит, Артем относительно жив и так же относительно здоров.

Вполне. А ты?

Норма.

Они хотели тебя убить?

Наказать. Рана не смертельная, поверь. Это был урок, а не попытка убийства. Не переживай, я бы выкарабкался в любом случае.

НЕ ПЕРЕЖИВАЙ?!

Да он рехнулся! Я чуть не поседела, когда увидела его в машине. Вся неприязнь тут же забылась, стерлась под жуткой реальностью, окрашенной алыми тонами.

Не нужно было подходить к столику. Я же просил тебя уйти.

Добавляет он через пару минут.

А, ну спасибо. Ещё и обвинил во всех грехах. Мог бы сделать вид, будто не заметил меня, тогда бы я потихоньку слиняла и не подсаживалась за их столик.

О чем я и пишу, намекая, что мне неплохо сиделось под столом.

А если бы я запретил тебе садиться к нам, сделал бы хуже. Это не те люди, с которыми можно играться. Я сам виноват, что обратил на тебя внимание. Они заинтересовались, и мне пришлось подойти к тебе. Думал, ты уйдешь.

Что будет дальше?

Для тебя – ничего.

Звучит не очень-то обнадеживающе. Я бы даже сказала: мрачно. Закусываю губу и набираю, сама не осознавая, что начинаю нешуточно волноваться.

А для тебя?

Разберусь. Не паникуй, сестренка. Лучше научись вождению. Я думал, ты меня прикончишь, когда впишешься в какой-нибудь столб. Представь, какая нелепая вышла бы смерть?

Вот он…

Я откидываю телефон на покрывало и утыкаюсь лицом в подушку, глуша в себе бессильную ярость.

Сообщение прилетает вновь, чуть позже, когда я почти успокоилась. От него веет злостью и отчаянием.

Ты сдала меня отцу?

А был выбор? Что бы я сказала, что ты случайно напоролся на пистолет?

Шел-шел и не заметил?

Могла бы ничего не говорить.

Мог бы не общаться с такими людьми.

Мне остро хочется убраться из этого дома и навсегда выветрить из памяти Артема Миронова. Согласна даже на потерю памяти. Полную амнезию.

Что угодно, только бы не напарываться на этот взгляд.

Глава 5

– Так что насчет пожить на твоей даче недельку-другую? – спрашиваю я по телефону Нику. – Накупим мяса, мартини и овощей. Будет у нас алкогольно-шашлычная диета.

– Ты готова уехать от личного бассейна в моё захолустье и неделю кормить комаров? – с подозрением спрашивает подруга.

Про «ситуацию» со сводным братом никто не знает. Я не сказала. Не могу пока. Мы неделю умудрялись не пересекаться, в основном, потому что я целые дни провожу в городе, а прихожу под самый вечер и без ужина рушусь спать.

– Почему бы и нет? – прислушиваюсь к коридору. – У вас там пруд в конце садоводства. Чем не личный бассейн?

– В этом пруду цыгане моются, – безрадостно отвечает подруга.

Она к даче особой любви не питает: помнит ещё те времена, когда бабушка заставляла её перепалывать грядки от забора и до заката. Ника бы всё отдала,

чтобы провести недельку в особняке Мироновых с клубничным Мохито в обнимку, и моего кислого настроя она не понимает.

– Ладно, поедем, – сдается подружка, вздохнув. – Ирку возьмем?

– А ты против?

Раньше подобных вопросов не возникало. Если что-то делать – только втроем. Неразлучное трио, и всё такое.

– Да не знаю. Она опять начнет приставать к парням из соседнего дома, купаться топлес, попытается своровать клубнику с участка дяди Жени, – начинает перечислять Ника будничным тоном. – Моим родителям потом нажалуются. Мне краснеть за неё придется.

– Ну, запретим.

Ника фыркает в трубку.

– Ага, запретишь ты ей. Короче, ладно. Берем. Собирай шмотки и не забудь лосьон от комаров. Выезжаем в восемь. Ирэн я сама оповещу.

Раздав команды, подруга отключает связь.

В коридоре доносятся шаги. Твердые, они стучат по ушам, отдаются эхом в сердце. Эти шаги могут принадлежать только одному человеку. Он возвращается к себе.

В первые дни он не поднимался с постели, но теперь немного окреп и изредка выбирается наружу. Меня не оставляют ассоциации со злым огнедышащим драконом, который обосновался в пещере, наводя ужас на местных жителей. В данном случае – на меня.

Так и не могу определиться в своих чувствах к нему.

Знаю только одно. Ночами мне снится совсем другой Артём Миронов. Он ласков и нежен, голос его мурлычет, и глаза чуть сощурены, а на дне их плещутся

звезды. С его губ срывается моё имя, и мне хочется подпустить его ближе, открыться, поддаться. Стать доступной.

Но утром я просыпаюсь, красная от смущения, понимая, что всё это – лишь нелепый сон. Реальный Артём сложнее и темнее, у него есть сомнительные дружки, он бывает груб, а взгляд его льдист.

Он что-то скрывает.

И я не хотела бы знать, что именно.

Я выглядываю из комнаты, когда шаги смолкают. Быстренько нарезаю на кухне бутерброды, завариваю чай. Дом затих. Мама уехала по делам (разумеется, связанным с помолвкой), Миронов-старший смотался в командировку и вернется только к понедельнику.

Балансируя с тарелкой и кружкой, я поднимаюсь на второй этаж. И замираю на месте. Дверь в комнату Миронова-младшего приоткрыта. Хм. Точно помню, он запирает её, если куда-то уходит. Всегда слышу щелчок замка и мысленно успокаиваюсь: Артём дома.

Внутри тихо.

Перед глазами мелькают непрошенные картинки: вот он падает без сознания или открывается рана, или в дом прокрадываются его приятели и довершают начатое одним выстрелом.

– Ты в порядке? – спрашиваю почему-то тихо-тихо и повторяю громче: – Эй! Всё нормально?

Ответом служит тишина. Ставлю кружку с тарелкой на пол.

– Я вхожу! – почти кричу. – Чтобы убедиться, что ты жив!

В спальне – никого. Лишь заправленная по-солдатски кровать, без единой складочки. А на столе – мобильный телефон мигает белым огоньком, оповещая о непрочитанном сообщении.

Надо бы уйти, но что-то заставляет меня осмотреться. Всё так аскетично, ни единой детали, которая бы намекала: эта комната кому-то принадлежит. Ни личных вещей, ни фотографий, ни разбросанной одежды.

Гостиничные номера и то живее.

Телефон начинает вибрировать, и мой взгляд падает на зажегшийся экран.

Мирон, ты где? Сегодня в десять. На нашем месте. Будет много крови.

Какой ужас…

Я склоняюсь ниже, пытаясь рассмотреть имя отправителя.

– Что ты тут забыла, сестричка? – раздается над ухом, заставляя меня подпрыгнуть.

– Я…

Слова теряются, ломаются, разбиваются на осколки. Мне нечем оправдаться. Я зашла на его территорию, нарушила негласный закон, подсмотрела смс, о котором не должна знать. Теперь он смотрит на меня с едва скрываемой ненавистью.

Делаю шажок назад, и Артём идет следом.

– Знаешь что? Ты мне не нравишься, – произносит тихо, но отчетливо.

Припер меня к стене. Изучает. Не позволяет вырваться.

Я гордо вздергиваю подбородок.

– Это взаимно.

Конечно, не нравлюсь. Я – заноза, которая мешает ему существовать. Из-за меня он получил пулю. Мне б тоже не понравилось такое соседство.

– Хватит шнырять по моему дому, – губы его поджаты.

– По дому твоего отца, ты хотел сказать, – отвечаю с дрожащей ухмылкой. – Ты не можешь запретить мне здесь находиться.

Такова защитная реакция.

– В моей комнате лишь один хозяин. И ты неправа. Я могу заставить тебя исчезнуть, – выплевывает с неприязнью.

Глаза его сине-голубые, как беспокойное море, темнеют. Черты лица становятся резче. Демоны просыпаются, выглядывают наружу, готовые закусить любым, кто посмеет им помешать.

Он пугающий и опасный.

Мой сводный брат.

И, кажется, я перешла ему дорогу.

Артем медленно, словно нехотя, отступает, позволяя мне вырваться. Я трусливо сбегаю от него, а тот не останавливает, только усмехается:

– Бутерброды не забудь.

Как поступить? Уехать на дачу или… или что? Сообщить Миронову-старшему, что его едва оклемавшийся сын собрался ввязаться в очередные неприятности?

«Будет много крови», – повторяю про себя. Нет ни единого нормального объяснения этой фразе.

Знаете, как иногда бывает в сериалах. Герой подслушивает какую-нибудь фразу, неправильно её понимает, и в итоге это приводит к глобальной попе.

Но как можно неверно истолковать эти три слова?

Вряд ли неизвестный отправитель собрался на пару с Артёмом становиться донором или лишать девственности какую-нибудь девушку. Угу, это что ж за девственница такая, кровавая…

Матушки, что за чушь приходит мне в голову. Пресекаю свою бурную фантазию, которая рисует алые фонтаны. Меня начинает мутить.

Он угрожал мне… так запросто, без каких-либо сомнений.

Щелкает замок – Артём вновь закрылся в своей темной, пугающей пещере.

Надо уезжать. Собрать вещи, прыгнуть на электричку и забыть о существовании этого человека. Хотя бы на неделю. Пусть он занимается всем, чем хочет, а на мне не будет висеть тяжким грузом ответственность. Мне не нужно будет думать: рассказать его отцу или промолчать. Не нужно будет содрогаться от звука шагов по кафелю.

Но, как назло, мои радужные планы рушатся об смс от Ники:

Сегодня не поедем, родители друзей позвали. Переносим на завтра.

Вот черт!

В итоге всё, чем я могу заниматься остаток вечера, – это прислушиваться к шорохам за воротами. Мазохизм какой-то, честное слово. Давно бы отвлеклась, фильм включила или спать легла, а я ошиваюсь возле окна и делаю вид, будто меня очень интересует подоконник.

И когда часовая стрелка переступает за полночь, я вижу то, чего так долго ждала. Через калитку пробирается подозрительно знакомая тень. Я выдыхаю: жив.

Но, на моё удивление, тень не спешит оказаться дома.

Эй! Куда он делся?

Я тут волнуюсь, значит, хороню его заживо, а он…

Выглядываю в окно. Вижу, как загорается пламя в контейнере для сжигания на краю участка. Не думала, что в богатых коттеджах сжигают мусор, но Денис Владимирович на мой вопрос рассмеялся, что «где-то нужно избавляться от тел врагов».

Кажется, он был не так уж и неправ.

Огненные всполохи бросают тени, возле них стоит человек, в темноте его практически не видно, разве что силуэт, острые черты, широкие плечи и…

Хм, он что, голый?!

Мне кажется, я влепляюсь в стекло лбом, пытаясь рассмотреть Миронова-младшего. Пламя пляшет, смешивая очертания. Вижу, как он ворошит палкой что-то в контейнере. По всей видимости, одежду.

Он избавляется от улик? От окровавленных вещей? От чего?

По лопаткам пробегает холодок.

Артем бросает взгляд на дом и натыкается на мою фигуру. Черт! Я сползаю вниз по стене и с уголочка выглядываю вновь. Он смотрит, не отрываясь, в мои окна, а одежда всё полыхает, кидая рыжие всполохи на мужской силуэт.

Мой телефон начинает пиликать, отвлекая от подглядывания за будущим сводным братом. Смотрю на экран.

«Миронов-младший».

Сглатываю комок, врезающийся в горло. Я не хочу с ним разговаривать…

Не после того, что произошло утром…

Но, между тем, нажимаю на зеленую кнопку и шепчу в микрофон:

– Слушаю.

– Я тебя не разбудил?

– Р-разбудил, – соглашаюсь и показательно зеваю. – Я давно спала.

– Да? – с почти искренним сожалением. – Жаль. А я думал, составишь мне компанию, вместе посмотрим на звезды, – он глухо смеется, и смех его совсем не весел. – Софья, перестань изображать из себя прилежную девочку. И ты, и я знаем, что ты подсматривала за мной.

– Я не…

– Повторяю: перестань, – звучит жестко, со злостью. – Если тебе хочется о чем-то спросить, спрашивай.

Моё сердце глухо колотится под ребрами, мне не хватает сил, чтобы собрать себя в кучу и проявить жесткость характера. Чтобы послать его лесом или бросить трубку.

– Ты… – заминаюсь. – Ты кого-то убил?

– Нет, – без промедления. – Ещё вопросы?

– Твоему отцу нужно волноваться о чем-то?..

Артем начинает смеяться. Обреченно, словно через боль, продирая сквозь себя каждый звук. Мне не по себе от этого смеха, в котором нет ничего живого и настоящего.

– С каких пор ты беспокоишься обо мне, сестренка? – спрашивает он тем самым голосом, что преследует меня во снах, мурчащим, сладким. В этих интонациях хочется увязнуть по самую макушку.

Захлебнуться в нем. Стереться. Перестать принадлежать себе.

Но тон его обманчив, как и он сам. Хищный паук, в чью паутину вот-вот угодит глупая бабочка.

– С тех самых, как наши родители собрались жениться. Если твои дружки придут мстить тебе, под раздачу можем попасть мы с мамой. Мне плевать на тебя, но я беспокоюсь за себя. Вот и всё.

Я вновь выглядываю в окно, вижу Артема, облокачивающегося о край контейнера. Он склонил голову набок, смотрит на меня, словно отсутствие света не мешает ему распознать каждую мою черту, въесться в детали, сложить картинку из мельчайших нюансов.

В свете выглянувшей из-за туч луны он выглядит мраморным изваянием. Белье на нем все-таки имеется. Хвала небесам. Не уверена, что хотела бы видеть достоинство своего почти сводного братца.

– И тебя не пугают мои угрозы?

– Ты не посмеешь причинить мне вред.

– С чего ты взяла? – хмыкает, а затем отрывает телефон от уха и нажимает на завершение вызова.

Я слушаю гудки, а сердце моё колотится так сильно, так заполошно.

Глава 6

Мы уезжаем в обед. Вокзал пахнет гудроном и свежими пирожками, Ирка прихорашивается, смотрясь в карманное зеркальце. Ника выглядит так уныло, будто едет на каторгу. Я наконец-то могу выпрямиться и дышать полной грудью. Вчера так и не смогла уснуть. Близость к Артёму мешала. Нас разделяла всего-то одна стена, и мне казалось, что я слышу, как он дышит или как вибрирует его телефон, оповещая об очередном преступлении.

Будет много крови…

Глупости, конечно, но больная фантазия не утихала.

Поднявшись в шесть утра, я даже сходила во двор и убедилась, что от одежды остался лишь пепел. Сгорела дотла. Никаких улик.

Потом спешно собралась и свалила до того, как проснется мама… или Миронов-младший.

Мы трясемся в душной электричке. Ирка стреляет глазками в парней, стоящих у дверей в тамбур. Те наигрывают на гитаре, безбожно фальшивя и ржут так громко, что вызывают головную боль. Ирке это не мешает. Она даже подмигивает кому-то, чем вызывает волну раздражения в обычно флегматичной Нике.

– Может, хватит подкатывать ко всем подряд?! – шипит та, ущипнув Ирэн за локоть.

– Ай! Кто тебя покусал?! – возмущается подруга.

– Да никто меня не кусал, просто ты ведешь себя нелепо.

Сидящие напротив бабульки с интересом поглядывают на нас. Одна даже достает кулек с семечками.

– Давайте не будем ругаться? – предлагаю я, уже чувствуя, что грядет буря.

В глазах бабушек читается: "Нет-нет, продолжайте".

– А кто ругается? – Ира пожимает плечами. – Просто кому-то постоянно что-то не нравится.

– Правильно Игорь говорит, что ты слишком распущена, – заявляет Ника, чем вызывает взрыв.

Бам! В глазах Ирки отплясывают огни.

– С каких пор мне не всё равно на твоего рафинированного Игоря? – уточняет она с милой улыбочкой.

– Если вы собираетесь подраться, давайте займемся этим на даче, – напоминаю я, а бабушки всем своим видом показывают, что не подслушивают и вообще не интересуются нашими скандалами. Даже взгляд отводят и семечки откладывают.

– Я не буду драться с этой, – с отвращением произносит Ника.

Так, всё, надо это кончать. Причем немедленно. Я хватаю подругу за рукав и тащу в тамбур.

– Да что с тобой?! – рычу на неё, а она краснеет и внезапно начинает всхлипывать. – Что случилось?..

– Игорь сказал, что не прочь ей вдуть!

ЧЕГО?!

Вашу ж мать! Вот козел недорезанный. Как у него язык вообще повернулся?

– В смысле, вдуть?..

– В том самом. Чпок, и вдуть.

– Так, может, твоего Игоря кастрировать? В чем виновата Ира?

– Она дает повод! – не соглашается подружка. – Постоянно шортики эти коротенькие, топики облегающие. Показывает свою доступность, а я… я так не могу…

Ника рыдает у меня на плече, и я успокаиваю её, мысленно планируя покупку огнемета. Игорь что-то совсем с катушек съехал. Да кто в здравом уме

предъявит своей девушке, что готов попробовать её подругу?

Или попросить пистолет у Артема? А что, будет эффектно. Приставлю к виску Игоря (а лучше к причиндалам) и дам понять, что именно случится, если он продолжит себя вести по-свински.

Когда Ника утихает и просит оставить её на минутку одну, я возвращаюсь в вагон. Ирка времени зря не теряла: она стоит в компании тех самых парней с гитарой и громко напевает модную попсу.

– Ну что, как наша поехавшая подружка? – спрашивает у меня.

– Там глубокие внутренние проблемы. Я всё расскажу на даче. Не обижайся на неё, пожалуйста.

Она дергает плечиком, с которого сползает тонкая лямка маечки.

– Да не парься, всё норм. Кстати. Я с парнями отдохну, они на озеро едут.

– Ира, пожалуйста, давай без глупостей.

Ещё не хватало волноваться за эту бедовую голову, которая как специально ищет приключения на свои нижние девяносто.

– Да всё хорошо, озеро в двух километрах от дачи. Вечером приеду, – Ирка чмокает меня в щечку. – Не отговаривай меня. Мне нужно остыть, понимаешь? Мы с Никой либо подеремся, либо я всё-таки утихну и вернусь к вам. Буду писать тебе каждый час.

– Так пусть подружки с нами едут! – зычным голосом предлагает один из парней. – Эй, рыжик, айда купаться! Там вода – огонь! Чистейшая!

Отрицательно мотаю головой.

– Обещай не теряться, – нервно прошу я, понимая, что Иру не переубедить.

Она упертая. Если решила назло Никосу пуститься во все тяжкие, то не остановится. Надеюсь только на её благоразумие.

– Не буду, котенок! – клянется она весело.

Вот не хватает мне уже имеющихся проблем. Теперь ещё за подругу волнуйся.

Да почему же всё так сложно…

***

Мне хватает одного стакана мартини с апельсиновым соком, чтобы мозги начали плавиться. Мы сидим у мангала, и Ника переворачивает шампуры. Молчим. Скворчит жир на мясе, шипят угли. В голове пусто, а ноги ватные. Вот что значит – блюсти трезвость, а потом сойти с рельс.

– Как думаешь, с Ирой всё нормально? – спрашивает подруга, поежившись. – Холодает. Она уже должна вернуться.

Последние три часа мы обустраивались, замариновали шашлык, выставили мебель на улицу, даже успели подрыхнуть на свежем воздухе.

– Не знаю.

– Блин, что на меня нашло, – она трет переносицу. – Это всё Игорь. Меня так обидели его слова. Он сказал, что уже не испытывает ко мне того влечения, что раньше. Что мы приелись друг другу. Ему даже не нравится, как я выгляжу. А когда я спросила, как надо выглядеть, он сказал: «Как Ирка. Вот ей бы я вдул». Представляешь?

– Ник, ну это же неправильно. – Алкоголь во мне заставляет быть честной, хотя обычно я предпочитаю не лезть в отношения подруг. – Зачем он так ведет себя? Зачем сравнивает тебя с кем-то? Сам-то, блин, давно в зеркало смотрелся? Если у вас сейчас проблемы, что будет дальше?

Она опускает лицо в ладони и тягостно вздыхает.

– Да понимаю я всё, но не могу иначе. Люблю его. Не отговаривай меня, окей? Я всё равно не передумаю. Но перед Ирой извинюсь. Она не виновата, – заключает решительно. – Порадуй меня лучше жизнью богатых людей. Как тебе особняк?

Что я могу сказать? Что у меня началась бессонница, развились панические атаки, а недавно я водила в экстренном режиме, чтобы спасти окровавленного Артема?..

– Не так плохо, как могло бы быть.

– А что Миронов? – Никос подливает мне ещё мартини.

– Какой из? – хмуро уточняю я, опустошая стакан залпом.

– Тот, который твоя личная головная боль.

«Ну, смотри. Вчера он сжигал окровавленную одежду, а я никому этого не сказала, хотя должна была бы. А ещё он угрожал мне, а ещё ему недавно прострелили живот. А ещё мне кажется, что я помешалась на нем, потому что ночами мне снятся его ладони на моей талии».

Что ты творишь, Софа? Куда катишься? Ты ведь всегда была благоразумна и правильна…

– Мы редко пересекаемся.

– Ну, оно и к лучшему, раз уж он так тебя бесит. О, Ира звонит! – Ника ставит телефон на громкую связь. – Мы же переживаем! Ты где ходишь?

– Мы на речке, – связь шипит, и буквы обрываются. – Собираемся выдвигаться. Ты остыла, злюка?

– Да пошла ты, – выдает Никос, позабыв, что вообще-то собиралась извиняться. – Ждем тебя.

Ирка приходит спустя час, да не одна, а со всей разношерстной компанией, вместе с гитарой и букетом ромашек, который торжественно вручает Нике.

– Женя, Никита, Стас, – представляет она по очереди всех парней. – Это Софа, а эта недовольная морда – Ника. Можно ребята посидят с нами? Они безобидные!

– А ещё мы до ужаса трезвые и голодные, – хмыкает тот, который играет на гитаре, вроде бы Никита.

– Ладно уж, – соглашается Ника. – Только никаких погромов. А то я вздерну вас всех по очереди.

– Договорились, мамочка!

Ну, это не первая масштабная пьянка на даче у Никоса, поэтому к незнакомцам ей не привыкать. Благо, в доме всё равно нет ничего мало-мальски ценного.

Вскоре парни, наевшись шашлыка и не погнушавшись «бабского мартини», вяло хлопают глазами. Ира давно обнимается с Женей, тот белобрыс и массивен – всё, как любит моя подруга. Ей же нужны кубики пресса. А тут не просто кубики, а целые кубы. Стас подкатывает к Нике, но та – кремень. Морду строит, губы поджимает. Проехалась по очкам Стаса, по его волосам, собранным в хвост на затылке. Парень в ответ только ржет и продолжает наступление.

Никита вместе со мной терзает гитару. Надо сказать, он ведет себя благовоспитанно, разве что спрашивает между делом:

– Ты с кем-то встречаешься?

– Не-а.

– Это хорошо. Значит, у меня есть шанс.

Почему-то в этот момент я вспоминаю Артема Миронова в опасной близости ко мне, аромат мяты и сигарет, темноту взгляда. То, какие тяжелые его ладони, обхватывающие меня. Как, должно быть, горячи губы.

А ещё он открыто мне угрожал.

Стоит ли об этом беспокоиться?

***

Мы разошлись к трем часам ночи, а проснулись только к обеду. Вроде и не пили особо, но состояние тяжелое. Разбита пополам. Ребята ещё дрыхнут, Ирка пытается готовить завтрак, а Никос безостановочно зевает. Я размешиваю растворимый кофе в кружке и сажусь на ступеньку крыльца. Хорошо. Люблю моменты единения с самой собой. Без людей. Без сомнений и сложностей.

Мне опять снился он. Как заезженная пластинка, разве что всегда разные сюжеты. Сегодня мы мчали куда-то в его иномарке, а потом резко остановились. Артем склонился ко мне, губами прочертил дорожку от ключиц к подбородку, будто бы клеймя собой. Он был нетерпелив, а мне не хотелось сопротивляться.

Да почему так?!

Он же не вызывает во мне ничего, кроме раздражения. Почему тогда мозг подсылает эти дурацкие сны, почему мне хочется смаковать их и вспоминать в мельчайших деталях?

Проверяю телефон. Нет непрочитанных сообщений. А чего ждала? Что напишет, поинтересуется делами?

Кофе горчит, мысли сжигают дотла.

– Проснулась? – доносится за спиной.

Никита стоит в дверях и улыбается. Отличный парень, на самом деле. Немногословный, но харизма так и прет. Не приставучий и не пытается облапать (в отличие от того же Жени, который пощупал Ирку за все выступающие места).

Одним словом: идеал.

И я понимаю, что нравлюсь ему.

Почему-то меня это не радует. Не люблю, когда у человека на меня есть конкретные планы. Чувствую, как сжимаются вокруг меня невидимые стены, и дыханию становится тесно.

– Ага, доброе утро. Как спалось?

– В спальном-то мешке, который выделила твоя подруга? Холодно и одиноко, – хмыкает он.

– Так пригласил бы Стаса, – язвлю я. – Он бы составил тебе компанию.

– Вот уж нет. Слушай, нам ехать скоро надо. Как насчет пересечься в городе? Дашь свой номер?

Диктую. Может быть, так и лучше: новые отношения, первые свидания, романтика и прочая белиберда, которая поможет скрасить остаток лета.

Другого-то не предвидится.

Парни уезжают, не позавтракав наваристым омлетом с шашлыком авторства Иры, чему та опечалена. Она, видите ли, стояла, мясо шинковала, яйцами заливала до краев, а есть никто не стал. Я вот тоже опасливо потыкала вилкой и отставила в сторонку.

– Ну, как вам? – спрашивает Ирэн, когда силуэты новых знакомых теряются за поворотом.

– Вполне, – одобрительно кивает Ника. – Я ожидала худшего, а их даже не рвало поутру.

– Так они спортсмены, ведут здоровый образ жизни, тренировки по пять часов в день. Женя так целуется… – Она мечтательно прикладывает пальцы к губам. – М-м-м….

– Стас тоже пытался целоваться, – добавляет Ника.

– И?

– Был послан лесом.

– А Никита как? – обращаются обе ко мне вместе и по очереди. – Хорошенький же. Только не говори, что проворонила такой шанс на личную жизнь! Мхом порастешь!

Успокаиваю, что телефонами мы обменялись и о встрече обязательно договоримся в самое ближайшее время.

Казалось бы, жизнь налаживается.

Увы.

К вечеру подруги-предательницы начинают намекать на отъезд. Вначале осторожно вздыхают, что на даче скучно, да и погода испортилась, накрапывает дождь, ветер поднялся. Я делаю вид, что ничего не понимаю и вообще прекрасно лежу на диване с телефоном в обнимку. Тогда Ирка, как самая отважная, говорит в лоб:

– Поехали домой? Тут скука смертная. Я так бы еще успела с Женей пересечься в клубе.

– Я не против, – излишне радостно соглашается Ника. – Если, конечно, Софа согласится. А то, правда, на улице морось какая-то, не покупаешься, да ещё и мясо у нас кончилось.

При этом подружки так переглядываются, что сразу понятно: эти две заговорщицы уже списались в интернете и обсудили план по выманиванию меня из деревни.

– Вы издеваетесь, что ли? – вздыхаю. – Мы же хотели до выходных тут пробыть. Что изменилось-то?

– Не издеваемся, – в один голос.

– Просто сельский уют любишь только ты, а я вся чешусь от этих долбаных комаров, – добавляет Ника, мило улыбаясь.

– А в городе Женя ждет… и Стас с Никитой…

Моё настроение резко портится. Не из-за того, что девчонки подложили свинью с дачей, а потому что вернуться домой означает вновь увидеть Миронова. Столкнуться с ним. Опять проиграть в безмолвной схватке. Задуматься над тем, чем он занимается и насколько это опасно.

Такие разные мысли в голове. Неправильные. Сложные. Я сама боюсь их.

Но выхода нет.

Такси привозит меня в коттеджный поселок за полночь. В доме горит всего одно окно – в «родительской» спальне. Я немного успокаиваюсь. Возможно, Артём спит или вообще уехал. Было бы отлично.

Но, к несчастью, он бодрствует, потому что когда я запираюсь в комнате, то слышу, как открывается дверь его спальни. Тихо, едва уловимо. Но малейшего шороха достаточно, чтобы внутренности мои скрутило в узел.

Серый волк вышел на охоту, и он не остановится, пока не заполучит Красную шапочку.

***

Никита времени зря не терял. Он следующим же утром пригласил меня посидеть в баре.

– Никаких свиданий, чисто по-дружески, – уверил таким тоном, что сомнений не оставалось: надо краситься и надевать лучшее платье.

После долгий раздумий я решила попробовать. Никита неплох, надо признать. Он не навязчивый, наоборот – тактичный и милый. Может быть, даже излишне осторожен в своих словах, словно шагнул на минное поле и боится оступиться.

Я выбираю сарафан, который мои подружки прозвали ночной сорочкой: с тонкими бретельками, плотно облегающий, из легкого шелка, длиной чуть ниже колена. Я в нем кажусь себе излишне худой (ладно, тощей вешалкой), но смотрится хорошо. Легкий макияж, минимум косметики и завитые пряди – вот и весь образ. Я не роковая красотка и не собираюсь производить впечатление леди-вамп.

Более того. Если парень однажды видел вас после бессонной ночи, в растянутом свитере и с кичкой на макушке, вы можете не заморачиваться. Он уже на крючке.

Я выбегаю заранее, но забываю телефон и вспоминаю о нем, только спустившись во двор. Черт! Приходится вернуться. Нигде не могу найти. Копаюсь в бесчисленных покрывалах и подушках, перебираю шкаф. Минут десять беготни по комнате, но, кроме потерянного носка, ничего обнаружить не удается.

Закон подлости какой-то.

Да где же он?!

Только потом вспоминаю, что в последний раз смотрела на него в ванной. Ну, точно. Лежит себе на краю раковины.

Моё "прийти заранее" превратилось в "можно не торопиться, всё равно опоздала".

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/novikova_tat-yana/ty-mne-ne-nravish-sya

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити